

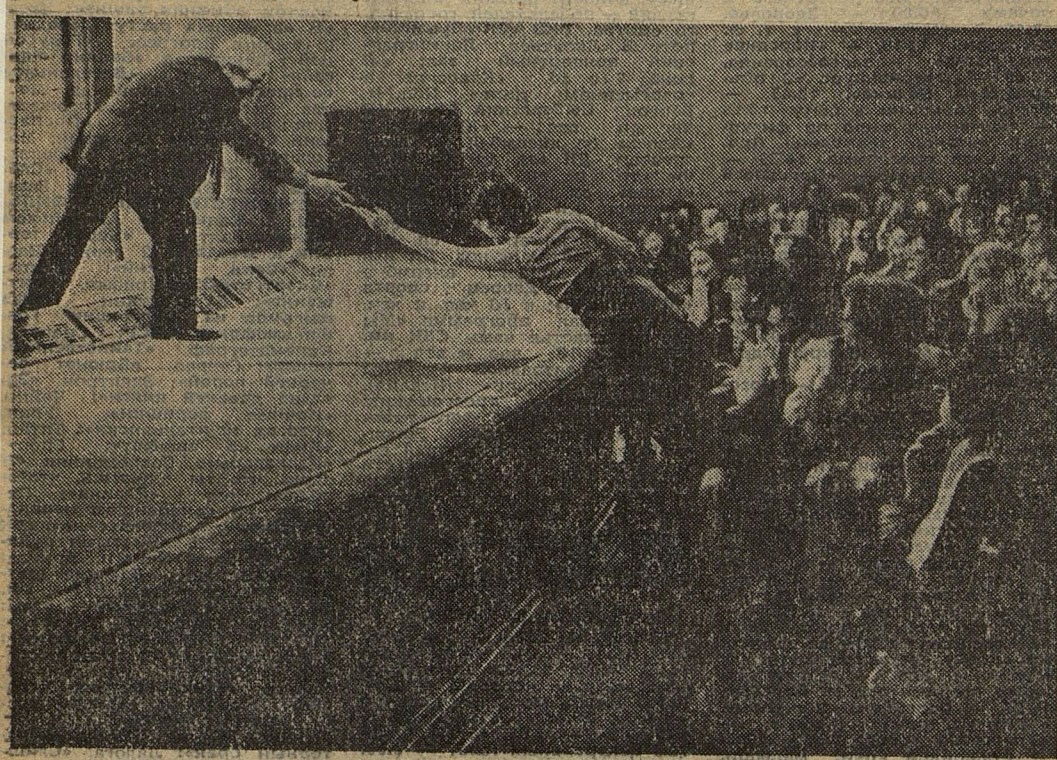
Лебедев Э

1986/17

22 МАР 1986

Ленинградская Правда
г. Ленинград

ЩЕДРОСТЬ ТАЛАНТА

НАРОДНЫЙ артист СССР Евгений Алексеевич Лебедев за исполнение ролей Серебрякова в спектакле «Дядя Ваня» и Крутицкого в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты» на сцене Ленинградского академического Большого драматического театра имени М. Горького выдвинут на соискание Ленинской премии 1986 года.

О творчестве замечательного мастера сцены и экрана написано много книг, статей, исследований. Сегодня мы представляем слово деятелям искусства.

НАВСЕГДА запоминаются образы, которые создает на сцене Евгений Алексеевич Лебедев. Каждая встреча с ним — открытие, открытие характера. Упрямый старик Бессеменов в «Мещанах»... С каким отчаянным упорством этот человек пытается удержать ускользающее время, отживший, но такой привычный ему распорядок жизни. Нельзя забыть вопль-плач Холстомера, сыгранного актером в «Истории лошади», умеющего думать и чувствовать по-человечески. Его воспоминания о беспечном детстве, о том, как полюбил, как бегал быстрее и лучше всех, о несправедливостях, подстерегавших его слишком часто, пробуждают именно то глубокое ущемляющее чувство, которое возникает всякий раз при чтении толстовской повести. А какое садистское упоение властью демонстрирует его наглый тупой Вожак в «Оптимистической трагедии». И как смешон и жалок жулик Аристарх в «Энергичных людях».

Еще одной вершиной актерского мастерства стал недавно генерал Крутицкий в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты», которого Лебедев сыграл с удивительной щедростью и озорством. Этот смешной, одряхлевший умом и телом генерал, с трудом передвигающийся непослуш-

ные ноги, вдруг незаметно как-то вырастает в устрашающий образ консерватора, вознамеренного камнем лечь на пути движения жизни.

Актер каждый раз заставляет нас не только следить за поступками персонажа, но захватывает своей эмоциональностью, заставляет восторгаться или негодовать.

Лебедев играет всегда с удивительной отдачей. Мы, сидящие в зрительном зале, всякий раз бываем захвачены его темпераментом, разделяем с ним и острое презрение к злу, и гневное осуждение недостойного в людях. Его таланту присуща истовость большого художника.

И. БОГАЧЕВА,
лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, народная артистка СССР

ИНОГДА мне приходит в голову, что он сам — театр. Театр величиной с человека. С неведомым буффором, невидимым осветителем, проницательным автором, мудрым зрителем, негодующим и хохочущим, и восхищенным, и, наконец, с актером неповторимым и небывалым.

Актер-скоморох и печальник, актер броской маски и трепетной души, блестящего представления и острого анализа. Актер хлесткой детали и широкого обобщения.

Таким представляется мне Евгений Алексеевич Лебедев.

Он всегда заставляет понять значение, истинный смысл, причину живучести и силу того, что он играет. Он предлагает оценивать, сопоставлять, мыслить. И в том, как это происходит, есть какая-то непостижимая тайна, почти магия. Ты видишь вдруг не только шукшинского «чудика», но и молодца из старинной печальной «Повести о Горе-злосчастье», и душу твою начинают беречь загадки человеческой природы, извечно разгадываемые, да так и не разгаданные.

Видишь, например, не только русского мещанина прошлого века, но целый сонм его предтеч и крестоприимцев — людей, страшно и трагично перепутавших ум с хитростью, разделивших жизнь на лицевою сторону и изнанку и несущих ее на плечах своих как мучительно тяжкую, но необходимую руду, сбросить которую невозможно, ибо без нее беззащитны они перед другой, цельной, без потайных углов жизнью, и нет в ней для них места.

Такова объемность лебедевских творений, их многомерность, всеохватность.

Столь же внутренне выношено и его мастерство. Буффонность народного балаганного театра, чаплинская эксцентрика и печаль, красочная выдумка, патетический романтизм и глубокий психологический анализ — все это и еще многое другое, чего и не перечислить, слилось и переплывалось в единое целое в одном человеке.

Он очень музыкален. Мимика, пластика, паузы, незабываемый взгляд — все, кажется,

рождается под аккомпанемент внутренней музыки, которая неслышно для нас звучит в артисте и организует сложную партитуру его роли, ее видимый рисунок. Речь же его, богатая оттенками, так четко проинтонирована, что иногда хочется записать ее нотами. Во всем этом есть очень много полезного и поучительного для композиторов, пытающихся сочинить современную оперу. И ничего удивительного в этом нет: настоящий художник интересен и необходим людям всех профессий.

В. ГАВРИЛИН,
композитор, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, народный артист РСФСР

ЕВГЕНИЙ Алексеевич Лебедев — яркий пример того, когда актерская деятельность является сотворчеством. Актер является не исполнителем, а соавтором роли с режиссером, с драматургом. Актер приносит в спектакль не только свое мастерство, но и свой жизненный опыт, свое мировоззрение. Это возможно, когда актер — личность.

По-своему увидел Лебедев чеховского профессора Серебрякова. Подчеркивая сначала комические черты этого напыщенного, привыкшего к славе и почитанию эгоиста, актер неожиданно подводит нас к его драме. И мы уже видим смертельно растерянного человека, внезапно выброшенного из привычной жизни, который из последних сил старается сохранить прежнюю позу, выглядеть достойно, хотя это дается ему нелегко. Актер удивительно точно угадывает чеховскую интонацию человечности.

Своеобразно прочитан Лебедевым и образ Крутицкого в пьесе Островского «На всякого мудреца довольно простоты». Сколько здесь беспощадного сарказма, гиперболически смешного и одновременно устрашающего!

Исобразительный язык актера в его новых работах, как всегда, ярок и пластичен. И все-таки артист менее всего пытается опереться на внешнее правдоподобие. Более того, в манере своей он как бы нарочито неправдоподобен. Легко чувствует себя в фантастической сфере гротеска и часто к нему прибегает. Ищет не внешней, а внутренней правды. Контраст же между фантастикой внешнего воплощения и внутренней правдой создает удивительный художественный эффект. Обостряет суть образа. Но каким бы ни был острым рисунок роли, актер никогда не доводит его до карикатуры.

Творчество Е. Лебедева — грозное, социальное суждение. Хотя не все персонажи судимы одинаково. Скажем, Крутицкий в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты», Серебряков в «Дяде Ване», вожак анархистов в «Оптимистической трагедии», замысловатый хапуга из «Энергичных людей» осуждены бесповоротно. Что же касается шекспировского Фальстафа, героя Достоевского Рогожина, горьковских Монахова и старика Бессеменова, суд над ними долгий и трудный и приговор не однозначен.

Постоянный творческий поиск артиста, его глубочайшее проникновение в образ, который он раскрывает в неразрывных связях с окружающей действительностью, помогают людям жить, думать и получать наслаждение от искусства театра. И от всей души хочется поддержать выдвижение работ Евгения Алексеевича Лебедева на соискание Ленинской премии.

Б. СМЕРНОВ,
доктор искусствоведения, профессор

Фото М. Шарапова

